

Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.)

Ладога (с 1704 г. — Старая Ладога) является уникальным архитектурно-археологическим комплексом Русского Северо-Запада. Она постоянно привлекает внимание исследователей. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что русскому летописанию Ладога известна как один из древнейших городов Руси. По одной из версий он стал первой резиденцией основателя династии древнерусских князей — Рюрика.

Материалы Староладожского поселения и связанных с ним погребальных памятников часто рассматриваются при изучении основополагающих проблем раннесредневековой истории Руси и сопредельных стран. Замечательная сохранность слоев с органикой, получивших твердые абсолютные даты методом дендрохронологии, превращает их в прекрасный исторический источник. Ни одно поселение Руси не обладает такими слоями для периода середины VIII – первой половины IX в., т. е. времени, непосредственно предшествующего рождению древнерусского государства.

Этапы археологического изучения Старой Ладоги во многом совпадают с этапами развития археологии в России. От первых раскопок в ее окрестностях пастора Толле в начале XVIII в. до работ Зориана Доленго-Ходаковского, А. Д. Евро-пеуса и А. С. Уварова в следующем столетии исследования велись эпизодически. Заслуга начала систематического научного изучения староладожских древностей несомненно принадлежит Н. Е. Бранденбургу [1; 2]. Его внимание привлек весь их спектр — культовая и военная архитектура, погребальные памятники, элементы исторического ландшафта и топографии. В первые десятилетия XX в. Старая Ладога стала объектом научных изысканий Н. И. Репникова. В 1911–1913 гг. он проводит блестящие для того времени по уровню раскопки на т. н. Земляном городище. Впервые в практике российской археологии были открыты древнейшие слои с остатками деревянных построек и органическими остатками. К сожалению, в силу известных обстоятельств раскопки не получили продолжения, а их результаты опубликованы лишь спустя 35 лет, уже после смерти автора [32].

Целая эпоха изучения раннесредневековых древностей Старой Ладogi и ее окрестностей связана с циклом работ экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса. Ее активные участники (Г. П. Гроздилов, С. Н. Орлов, Г. Ф. Корзухина, Н. Н. Гурина, К. Д. Лаушкин, О. И. Давидан и др.) составляли прекрасный коллектив, который продолжал обработку материалов экспедиции и по окончании ее работ. За полевые сезоны 1938–1940, 1945, 1947–1950 и 1957–1959 гг. была вскрыта вся центральная часть площадки Земляного городища (около 2000 кв. м). Параллельно велись раскопки окружающих Ладogu могильников и поиски поселений. Итоги этих исследований подведены В. И. Равдоникасом в серии статей, опубликованных до 1950 г. [24; 25]. К началу 1960-х гг. наступило время более детальной проработки и систематизации полученных коллекций и фактов. Исследования и публикации Г. Ф. Корзухиной, О. И. Давидан, С. Н. Орлова, Е. А. Оятевой, К. Д. Лаушкина, А. Штакельберга, Ю. П. Спегальского высветили отдельные аспекты развития культуры ранней Ладogi, но обобщающей монографической работы так и не появилось. Как эффектное завершение раскопок на этом этапе можно отметить работы Г. Ф. Корзухиной в каменной крепости и на могильнике в урочище «Плакун». Они стали своеобразным мостиком к циклу исследований последующих десятилетий.

В 1972 г. к работам в Старой Ладoge приступила экспедиция под руководством А. Н. Кирпичникова, в них приняла участие плеяда ленинградских ученых, проводивших изучение различных объектов. А. Н. Кирпичников обследовал укрепления каменной крепости, выделив на ее территории остатки трех форте-ций, сменявших друг друга на протяжении средневековья. Е. А. Рябинин продолжил исследование площадки Земляного городища (1973–1975, 1981–1982, 1984–1985), а В. П. Петренко вел раскопки на правом берегу р. Ладожки напротив каменной крепости (1973–1978). Эти раскопки, при опоре на данные дендрохронологии, позволили создать дробные схемы стратиграфии исследованных участков поселения и получить возможность корректного сопоставления археологического материала с данными письменных источников. В. П. Петренко, В. А. Назаренко и Е. Н. Носов продолжили исследования погребальных памятников ладожской округи и параллельно вели поиск и раскопки поселений в нижнем течении р. Волхов. Итогом цикла работ 1970-х гг. стал сборник, который можно рассматривать как коллективную монографию, отразившую определенную точку зрения на раннюю историю Ладogi, получившую дальнейшее развитие [31]¹.

В 1984–1998 гг. А. Н. Кирпичников провел раскопки на северо-западном склоне Земляного городища. Серия шурфов на левом берегу р. Ладожки позволила уточнить представления о ладожской топографии, в этом же контексте чрезвычайно ценны наблюдения над повреждениями культурного слоя, систематически производившиеся З. Д. Бессарабовой. Стали активнее накапливаться данные о ладожской округе (исследования Е. А. Рябинина на городище Любша, С. Л. Кузьмина в районе Волховских Гостинопольских порогов).

¹ Полная библиография трудов о раннесредневековой Ладoge до сих пор не составлена, особенно если учесть труды не только археологов, но и историков, лингвистов, филологов. Поэтому вряд ли целесообразно приводить здесь ограниченную выборку работ по данной теме.

Подводя итоги, можно отметить, что трудами нескольких поколений археологов создана широкая база источников. Хотя несомненно, что новые открытия не заставят себя долго ждать, уже сейчас можно дать эскизную, но не лишённую конкретности картину первых веков истории Ладоги. Именно эта конкретика разрушает ряд сложившихся стереотипов и определяет новые методические подходы в решении ряда проблем ранней истории Руси.

Можно выделить четыре группы дискуссионных вопросов широкого исторического плана, так или иначе замкнутых на интерпретацию раннесредневековых ладожских материалов:

- пути и характер становления городов на Руси и Балтике;
- время и характер славянского расселения на севере Восточной Европы;
- роль и характер присутствия скандинавов в Восточной Европе;
- темпы, формы и характер генезиса древнерусской государственности. Все они теснейшим образом связаны между собой. Следует отметить, что славянское расселение, военно-торговая экспансия скандинавов, градообразование и рождение древнерусского государства являются проявлениями более глобального процесса движения населения Восточной и Северной Европы от эпохи варварства к цивилизации.

Основную задачу данной публикации автор видит не столько в изложении своей позиции относительно решения обозначенных выше вопросов на основании ладожских материалов, сколько в критическом обзоре накопленных к настоящему времени археологических источников и демонстрации их возможностей для корректных культурно-исторических реконструкций. Я не буду останавливаться на подробном разборе точек зрения исследователей писавших о Ладоге до 1970-х гг. (то есть до времени появления дендрохронологической шкалы), как и рассматривать мнения историков, вписывающих ладожские материалы в свои общие построения без непосредственного знакомства с ними и опирающихся лишь на устраивающие их высказывания археологов. Для такого анализа необходима отдельная большая историографическая работа. В целом, к настоящему моменту можно говорить о двух сложившихся полярных точках зрения на характер Староладожского поселения в начальный период существования. Часть исследователей считает его аграрным поселением славян, эволюционировавшим в древнерусский город (Б. Д. Греков, В. И. Равдоникас, И. Я. Фроянов). А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, Е. Н. Носов и некоторые другие полагают, что Ладога изначально являлась крупным торгово-ремесленным центром на великих трансевразийских путях с полиэтничным населением и демонстрирует один из вариантов становления городов на Руси и Балтике [Обзор историографии по этому вопросу: 18, с. 59–78].

Историки не раз апеллировали к данным археологии, а археологи всегда стремились соотнести открытые ими факты с известиями письменных источников. В связи с этим особое значение приобретают вопросы хронологии. В свою очередь, ключевую роль в разработке хронологии ладожских древностей имеют представления исследователей о стратиграфии Староладожского (Земляного) городища. Помимо хронологической атрибуции стратиграфические подразделения получали и культурно-историческую интерпретацию (этническую, социальную).

Мощные 3-метровые культурные напластования, обнаруженные на Земляном городище, уже со времени раскопок Н. И. Репникова пытались расчленить

на горизонты, отражающие этапы жизни поселения. Н. И. Репников разделил отложения Земляного городища на 5 слоев. Три нижних яруса с сохранившимися органическими остатками получили условные названия «финский», «норманнский» и «русский» (снизу вверх). В. И. Равдоникас выделял горизонты А, Б, В, Г, Д, и Е. Горизонты Д и Е, соответствовавшие нижним слоям Н. И. Репникова, содержали несколько уровней синхронной застройки. В горизонте Е В. И. Равдоникас выделил микрогоризонты Е1, Е2 и Е3 (сверху вниз) [24, с. 9–12]. Следующий шаг в разработке стратиграфии Земляного городища сделала О. И. Давидан [3]. Работая над определением даты нижних напластований, она установила в микрогоризонте Е3 наличие трех уровней синхронной застройки: Е3/1 (верхний), Е3/2 (средний) и Е3/3 (нижний). Е. А. Рябинин на раскопанном им участке отметил в микрогоризонте Е3/2 два уровня застройки, но в целом использовал стратиграфическую схему Равдоникаса — Давидан. После раскопок Е. А. Рябина горизонты и микрогоризонты Земляного городища получили надежные абсолютные даты, полученные методом дендрохронологии [27]. Многолетняя дискуссия о хронологии ладожских древностей с этого момента приобрела исключительно историографический интерес. Автором совместно с А. Д. Мачинской была предпринята попытка создания на основе работ предшественников единой стратиграфической схемы для раскопок Репникова — Равдоникаса — Рябина. В напластованиях середины VIII–X в. выделено 11 ярусов (I–XI снизу вверх), под которыми мы понимали уровни одновременно существовавшей застройки и культурный слой, накапливавшийся за время ее существования. Позднее предложенная схема подверглась небольшой корректировке [14] и оказалась вполне соотносимой с материалами раскопок А. Н. Кирпичникова на северо-западном бастионе Земляного городища и В. П. Петренко на Варяжской улице (рис. 1).

Дробная (ярусная) стратиграфия позволяет оценивать планиграфию исследованных участков поселения и, соответственно, делать определенные выводы о социальной организации его обитателей. Распределенные по ярусам постройки и находки отражают реальное соотношение разнородных компонентов в культуре населения Ладоги на отдельных этапах ее истории. Синхронизация ладожских материалов с материалами памятников ее ближней и дальней округи позволяет рассмотреть поселение при устье р. Ладожки не как изолированное явление, а в контексте поселенческой системы Поволховья. Только такой подход возможен при рассмотрении процесса становления Ладоги как города; при этом в рамках него необходимо решить ряд конкретных вопросов.

Каковы размеры поселения в определенные исторические периоды, каково соотношение между исследованной площадью и площадью всего поселения на различных хронологических этапах — без этих оценок источниковедческой базы любая реконструкция истории Ладоги будет выглядеть сильно искаженной.

Несмотря на то что систематические исследования Ладоги ведутся с перерывами более века, площадь сплошных раскопов в границах поселения VIII–X вв. остается незначительной на фоне аналогичных раскопов Новгорода, Пскова и Изборска. Фактически изучалось лишь два участка — на Земляном городище (общая площадь около до 2500 кв. м) и на Варяжской улице (около 600 кв. м). Оба участка в основании содержат раннесредневековые слои с органическими остатками. Исследования «сухого» слоя эпохи VIII–X вв. велись эпизодически шурфами и траншеями (каменная крепость, левый берег р. Ладожки) сравни-

Земляное городище				По А.Н.Кир- пичникову	Варяжская улица По В.П.Пет- ренко	Ярус	Дата
По Н.И.Реп- никову	По В.И.Равдо- никасу	По О.И.Да- видан	По Е.Я.Ряби- нину				
3 слой (I ярус)	Д	Д	Д верхнее Д нижнее	6-7	III	XI	990-е
					IV	X	970-е — — 990-е
					V	IX	950-е — — 970-е
					VI	VIII	920-е — — ок.950
4 слой (II ярус)	E ₁	E ₁	E ₁	8	VII-VIII	VII	890-е — — 920-е
					IX-X	VI	ок.865 — — 890-е
					X-XI	V	ок.840 — — ок.865
5 слой (III ярус)	E ₃	E ₃ /1 E ₃ /2 E ₃ /3	E ₃ бурый гумус-1 E ₃ черный гумус E ₃ бурый гумус-2	9	XI	IV	ок.810 — — ок.840
						III	ок.780 — — ок.810
						II	сер.760-х — 770-е
						I	750-е — — 760-е

Рис. 1. Стратиграфическое членение культурного слоя Ладоги различными авторами.
Сравнительная таблица

тельно небольшой площади, что само по себе порождает источниковедческий дисбаланс.

Определить общую площадь поселения рассматриваемого периода крайне сложно, но ясно, что оценки ее в 12–16 га сильно завышены. Распространение лепной керамики, исчезающей в городских центрах Северо-Западной Руси к началу XI в., показывает, что застройка тяготела к прибрежной полосе р. Волхов, несколько углубляясь от него лишь вдоль левого берега р. Ладожки. Локализованные, но недостаточно исследованные курганные и грунтовые могильники фиксируют ее максимальные границы на севере и западе (с востока течет Волхов). Однако и на этой площади далеко не все места годились для постоянного проживания. Таким образом, суммарные размеры поселения в X в. составляли не более 6–8 га.

Проще оценить площадь культурных раннесредневековых напластований с сохранившимися органическими остатками. Хотя специальных работ по зо-

нированию «мокрого» слоя Ладоги не производилось, но разведочные раскопы Н. Н. Гуриной, А. Н. Кирпичникова, Н. К. Стеценко, многолетние наблюдения сотрудников Староладожского музея-заповедника и других показывают, что площадь его распространения не превышает 2–4 га. При этом доля исследованной площади может составлять от 8 до 16 %. Учитывая, что отложения середины VIII — начала IX вв. зафиксированы только в пределах смыкающихся раскопов Репникова – Равдоникаса – Рябинина, степень изученности поселения на самом раннем его этапе существования достигает не менее 50%. В таком случае ярусная стратиграфия с надежными абсолютными датами относительно синхронной застройки позволяет проследить реальную динамику развития Ладоги. Ниже приводится краткая характеристика ярусов, предваряемая характеристикой топографии места возникновения поселения.

Местность, в которой возник поселок, представляла собой надпойменную террасу в районе впадения р. Ладожки в р. Волхов (рис. 2). Вдоль левого берега Волхова имелись возвышения-останцы, поднимавшиеся над уровнем воды на 4–7 м, а над надпойменной террасой — на 2–4 м. Одно из них занимало мыс при слиянии рек Ладожки и Волхова. Ныне на нем расположена каменная крепость. К югу от него в пределах валов Земляного городища находилось всхолмление,

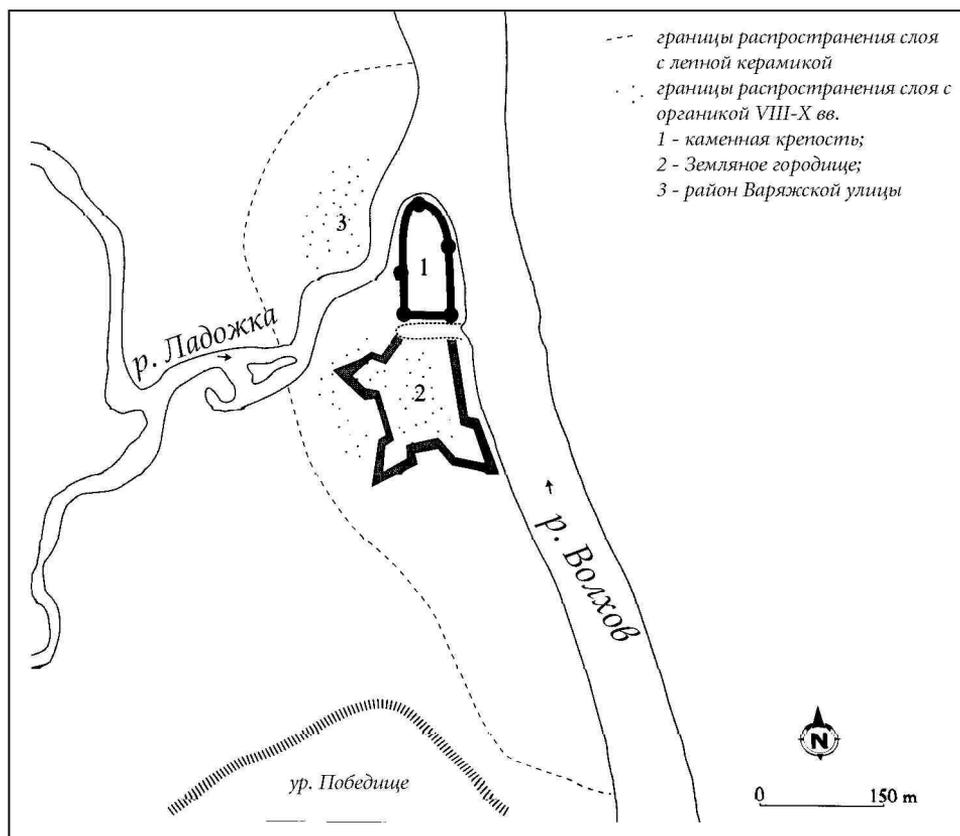

Рис. 2. Схематический план Ладоги

имевшее в древности наибольшее превышение над окружающей местностью. Еще южнее было небольшое возвышение, сходящее на нет к Никольскому монастырю. Возвышения разделялись водотоками, возможно, древними руслами Ла-дожки. Древнейший поселок возник на центральном возвышении, на площадке Земляного городища, плавно понижавшейся от обрывистого 7-метрового берега Волхова в противоположную сторону к руслам водотоков, по всей видимости, имевших тоже достаточно крутые берега. Уже это обстоятельство выделяет начальную Ладогу из круга т. н. торгово-ремесленных поселений Руси и Балтики эпохи викингов. В первые десятилетия существования размеры поселения были невелики. В I–III ярусах открыто от 3 до 5 относительно синхронных жилых построек. Даже если на не раскопанной площади находится такое же их количество (что маловероятно), то все равно население поселка во второй половине VIII – начале IX в. вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей.

Рассматривать его в это время как крупный центр нет никаких оснований [11].

В I ярусе с древнейшей дендротатой 753 г. открыты три жилища каркасно-столбовой конструкции, с очагом в центре (т. н. «большие дома») (рис. 3). Очаг делил внутреннее пространство дома на три поперечные, а ряды столбов, поддерживавших кровлю, на три продольные части. Зафиксированы привходные настилы и настилы в передней трети жилища. Такая конструкция жилья близка се-

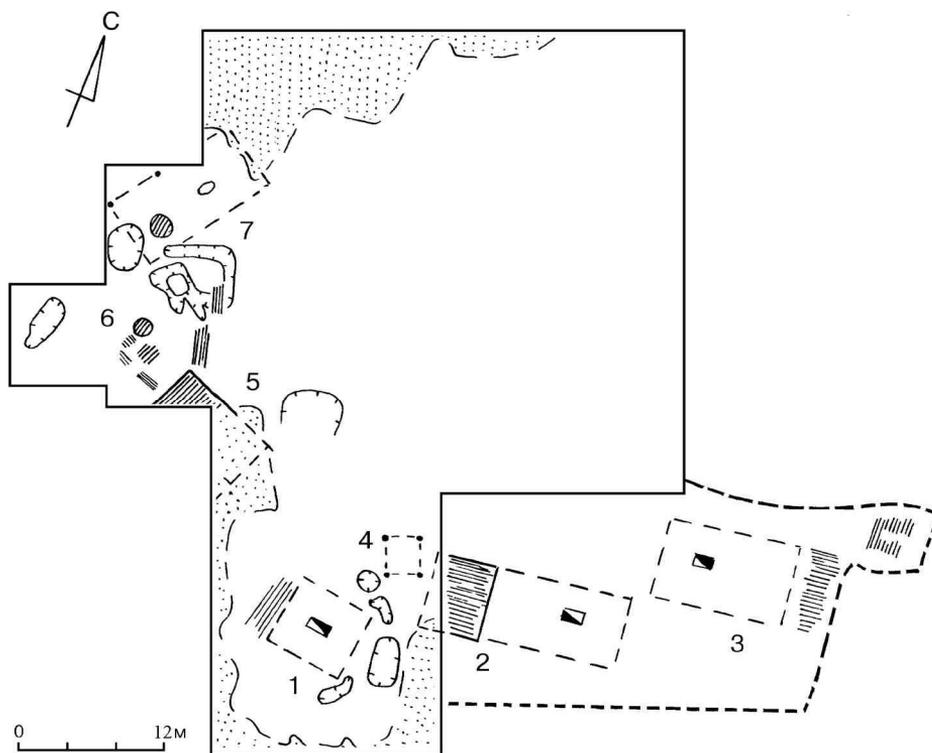

Рис. 3. Земляное городище. План I яруса

вероевропейскому халле, что уже отмечалось исследователями. Однако точных аналогий ладожским жилищам пока не найдено. К северу от жилищ находилась «кузнечно-ювелирная мастерская» [28], впрочем, вполне возможно, не составлявшая хронологически абсолютно единого комплекса. Срубные сооружения в I ярусе неизвестны.

Набор индивидуальных находок характеризует культурный облик первооселенцев определенным образом. Овальная скорлупообразная фибула, языковидное кресало, колесовидные бляшки, фрагмент железной гривны из перевитого дрота, фризские костяные гребни, бронзовое навершие с изображением Одина, наконец т. н. «клад» инструментов находят аналогии в североевропейском круге древностей. С мастерской связан ряд предметов восточноевропейского происхождения, но их присутствие не обязательно объясняется постоянным проживанием на поселении носителей соответствующих традиций. В том или ином случае, нет сомнения, что первыми обитателями Ладоги были люди, среди которых доминирующее положение занимала группа норманнов. Представляется, что она была немногочисленна и достаточно монолитна. Наряду с мужчинами в ней были женщины и, вероятно, дети. Носители иных культурных традиций, если и были в ее составе, то занимали далеко не ведущее место. Создается впечатление, что перед нами поселение одной общины. Полукруговая (может быть и круговая) схема застройки, с включенной в нее мастерской, отсутствие обособленных жилищно-хозяйственных комплексов, малое число домов, а соответственно, и их обитателей позволяют рассматривать Ладогу 750–760-х гг. скорее как отдельную единую усадьбу, чем как поселение — зародыш города.

Появление скандинавского поселения в низовьях Волхова не позднее первой половины 750-х гг. до начала эпохи викингов нельзя связывать с функционированием путей с Балтики в страны Востока. Скорее, его нужно рассматривать в контексте колонизационного движения норманнов, охватившего Восточную Балтику в VI–VII вв. Местность при впадении Ладожки в Волхов, плотно освоенная в неолите и раннем железном веке, возможно, была известна скандинавам и до основания поселка, однако показательно, что специфика заболоченных грунтов не отразилась на приемах их домостроительства.

Смена построек I яруса постройками II яруса связана с появлением в нижнем течении Волхова новой группы населения (рис. 4). Изменение домостроительных традиций и планиграфии застройки, прекращение работы кузнечно-ювелирной мастерской, выпадение и не изъятие «клада» инструментов подчеркивают отсутствие преемственности в жизни поселения на этом этапе. По всей вероятности, не позднее рубежа 760–770-х гг. скандинавская колония прекратила существование в связи с продвижением в Нижнее Поволжье носителей культурных традиций лесной зоны Восточной Европы. Они принесли с собой развитую технику строительства наземных срубных домов, отапливавшихся печью-каменкой, располагавшейся в углу. Вероятно, с приходом этих людей следует связывать серию украшений из оловянистых сплавов, имеющих аналогии на памятниках Северо-Западной Руси последней четверти I тысячелетия н. э. (городища Псковское, Изборское, Камно, Надбелье, Еськи, длинный курган в Лоози и др.). Истоки этой традиции могут уходить на юг, в лесостепную зону Восточной Европы. В таком случае, есть все основания связывать группу нового населения Нижнего Поволжья с продвигавшимся в VII–VIII вв. на север историческим славянством.

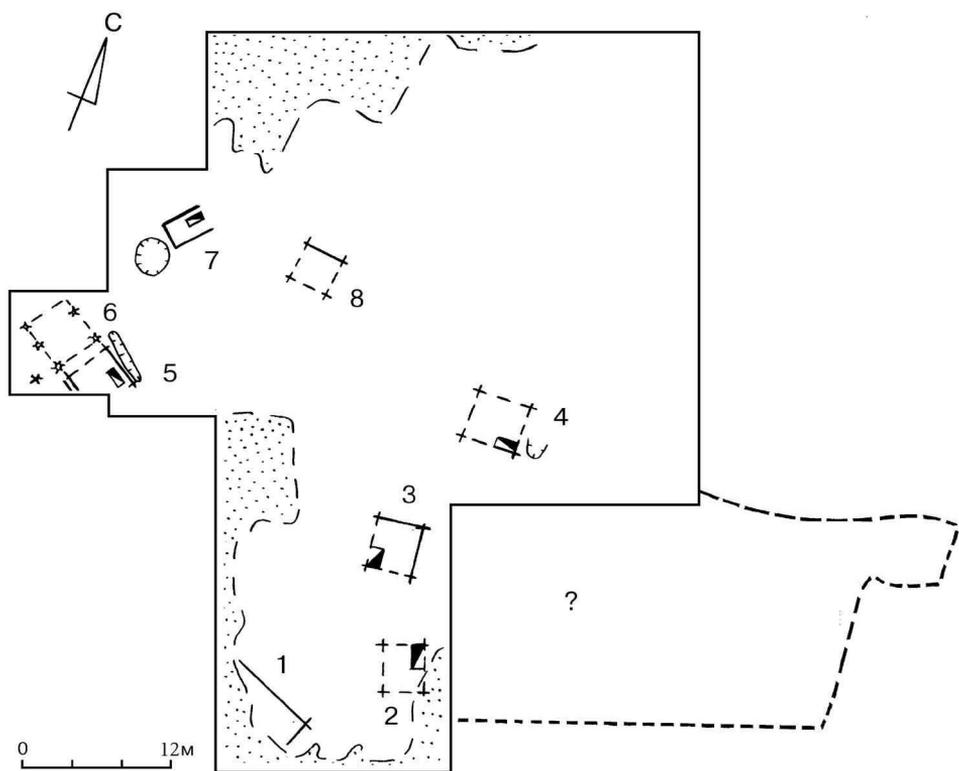

Рис. 4. Земляное городище. План II яруса

Пожар, случившийся около 780 г., с которым связана смена застройки II яруса сооружениями III яруса, не привел к существенным переменам в домостроительстве и планиграфии поселка (рис. 5). Наоборот, на участке, исследованном Е. А. Рябининым, наблюдается полная преемственность застройки, сохранившаяся и в IV ярусе. В течение 780–830-х гг. здесь функционирует мастерская по изготовлению бус. Материалы III яруса (около 780 — около 810 г.) свидетельствуют, что именно в это время происходит становление путей из стран Балтики на Арабский Восток. Встречены салтовские лунницы синего стекла, бусы из сердолика, «фиксируется начало активного проникновения арабского серебра... синхронизирующееся с выпадением здесь древнейшего монетного клада 786 г.», «открыты свидетельства местного стеклоделия, базирующегося на восточной технологии и привозном сырье» [29, с. 57–59; 30, с. 43–49]. Об устойчивых связях с Балтикой говорят предметы североевропейского происхождения. Особенно выделяется острие (булавка?), украшенное парными звериными головками [26, с. 23–24]. Облик обитателей поселения некоторым образом характеризуют обломок боевого топора и фрагмент кольчужного плетения. Однако поселение продолжает сохранять незначительные размеры, не выходя за пределы части площадки Земляного городища. Яркость его культуры на фоне синхронных поселений в значительной степени определяется сохранностью слоя в целом и ор-

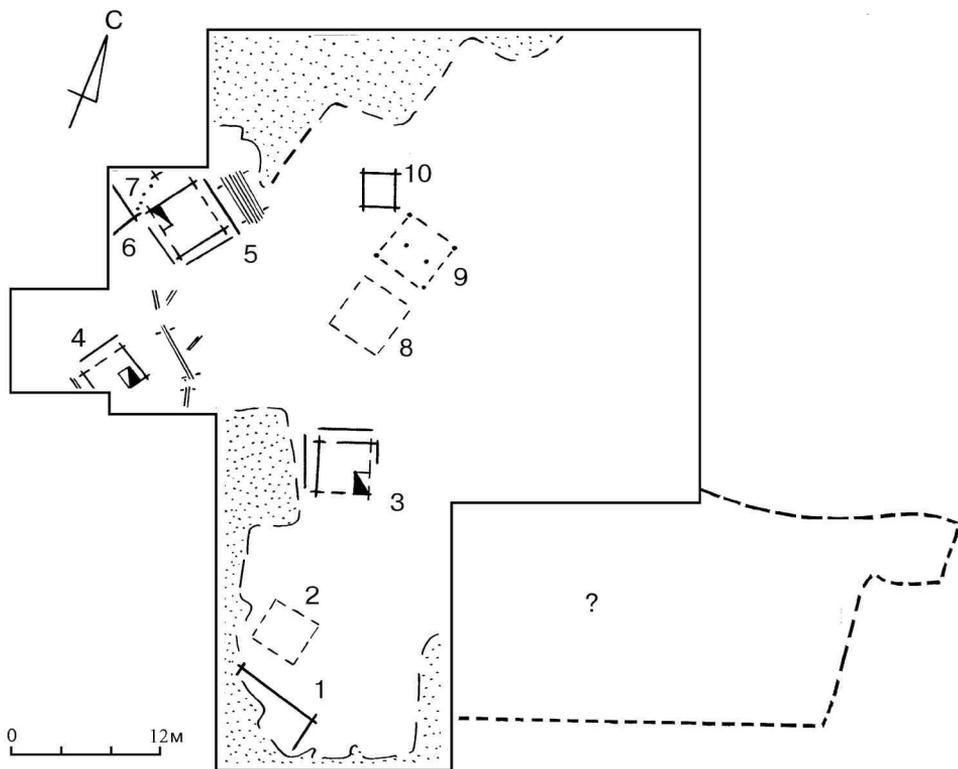

Рис. 5. Земляное городище. План III яруса

ганических материалов в частности. Сказывается и достаточно широкая в сравнении с другими памятниками исследованная площадь.

В 810–830-х гг. (IV ярус) застраивается вся исследованная часть площадки Земляного городища (рис. 6). Создается впечатление, что застройка обретает если не регулярный, то, по крайней мере, упорядоченный характер. «Большой» дом (постройка IV-5¹) обычно со времени его исследования в 1947 г. В. И. Равдоникасом рассматривавшийся как центральный жилой комплекс усадьбы, окруженный хозяйственными строениями и относимый к микрогоризонту ЕЗ/2 [5, с. 8–10, 15], оказался, по данным дендрохронологии, сооружен около 811 г. Его окружение составляют не хлева и амбары, а «малые» срубные дома с печью-каменкой в углу. Никакой усадьбы в привычном понимании здесь нет. «Большой» дом IV-5 имеет очаг в центре жилого покоя, продольные ряды столбов, что сближает его интерьер с «большими» домами I яруса. Срубные стены,

¹ Для участка сплошного раскопа Репникова — Равдоникаса — Рябинина в данной работе на планах и в тексте употребляется единая нумерация построек и сооружений. Римскими цифрами обозначен ярус, арабскими — номер объекта в ярусе. Если постройка продолжила существование в вышележащем ярусе, то сохраняется ее прежний номер. Для раскопа А. Н. Кирпичникова сохранена оригинальная нумерация.

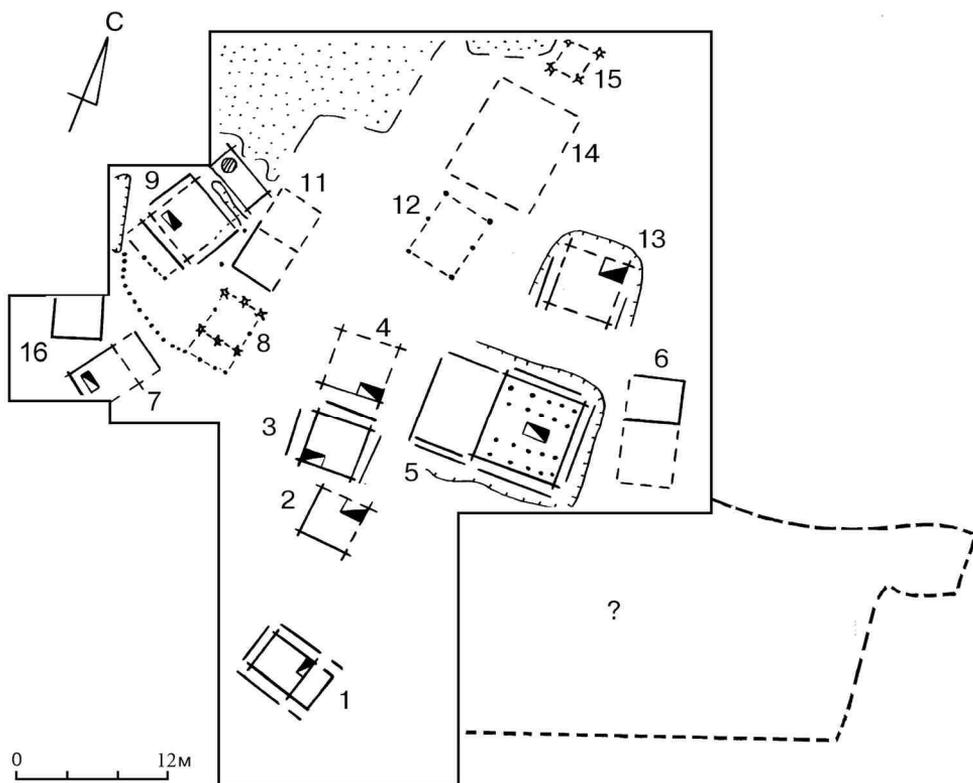

Рис. 6. Земляное городище. План IV яруса

подквадратные пропорции в плане, конструкция привходного помещения явно связаны с традициями возведения «малых» домов. Подобный симбиоз северо-европейского интерьера и восточноевропейской техники домостроительства привел к созданию оригинальной, чисто ладожской формы жилища [10]. К северу от жилой зоны — «большого» дома и 4 «малых» домов — на участке раскопок В. И. Равдоникаса выявлены хозяйственные постройки. Две из них предназначались для хранения большого количества зерна. Единственная достоверно выделяющаяся усадьба открыта на участке раскопа Е. А. Рябинина. Она имела весьма небольшие размеры и состояла из «малого» дома, амбара, хозяйственной постройки неясного назначения и стеклодельной мастерской.

Среди находок IV яруса выделяется серия предметов женского убора из цветного металла, имеющих аналоги в смоленских длинных курганах и на памятниках Северной Руси (сопки, поселения, могильники с поверхностными трупосожжениями). Ранее считалось, что элементы такого убора характерны для балтов. Но теперь все более очевидно, что сформировавшийся при возможном балтском влиянии он характерен и для славян лесной зоны в VIII–X вв. Если часть предметов, связанных с культурными традициями лесной зоны Восточной Европы, составляют определенный этнографический убор, то северо-европейские древности в IV ярусе представлены этнографически нейтральными вещами (оружие, гребни) (рис. 7).

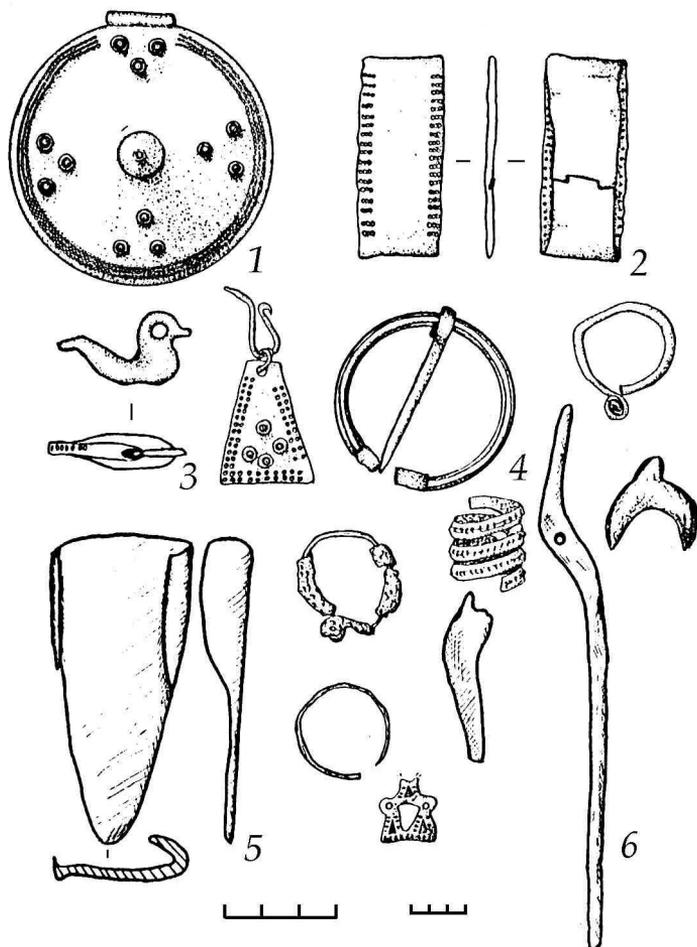

Рис. 7. Земляное городище. Находки из IV яруса

Увеличение численности жителей поселения в первые десятилетия IX в. отразилось не только в освоении площадки Земляного городища, но и появлении следов обитания на левом берегу р. Ладожки в районе Варяжской улицы.

Не ясно, что привело к демонтажу «большого» дома IV-5 и строительству на его месте «малого» дома незадолго до пожара, уничтожившего застройку яруса. Около 840 г. поселение постигла катастрофа в результате вражеского вторжения.

Традиционно обжитой в течение жизни трех поколений участок в пределах раскопа Е. А. Рябинина на уровне V яруса (около 840 – около 865) превращается в пустырь; уничтожается и стеклодельная мастерская. В юго-восточном секторе раскопов Репникова — Равдоникаса — Рябинина строятся два «больших» дома, продолжающих ладожскую традицию и схожих с постройкой IV-5. Один из них (V-9) перекрыл ее остатки. К западу от него и явно связанные с ним в единый планиграфический комплекс расположились «малые» дома, отстроенные на месте аналогичных жилищ IV яруса (рис. 8). В северной части раскопа

В. И. Равдоникаса был возведен дом каркасно-столбовой конструкции с очагом в центральной части. Его площадь достигала 120 кв. м. Пропорции и конструкция стен позволяют говорить о новом проникновении в Поволховье носителей традиции североευропейского халле.

Появление в Ладоге около 840 г. новой группы норманнов подтверждается находками деревянной палочки с рунической надписью, подвески «молот Тора», игральные шашки, особой концентрацией в ярусе деревянных игрушечных ме-

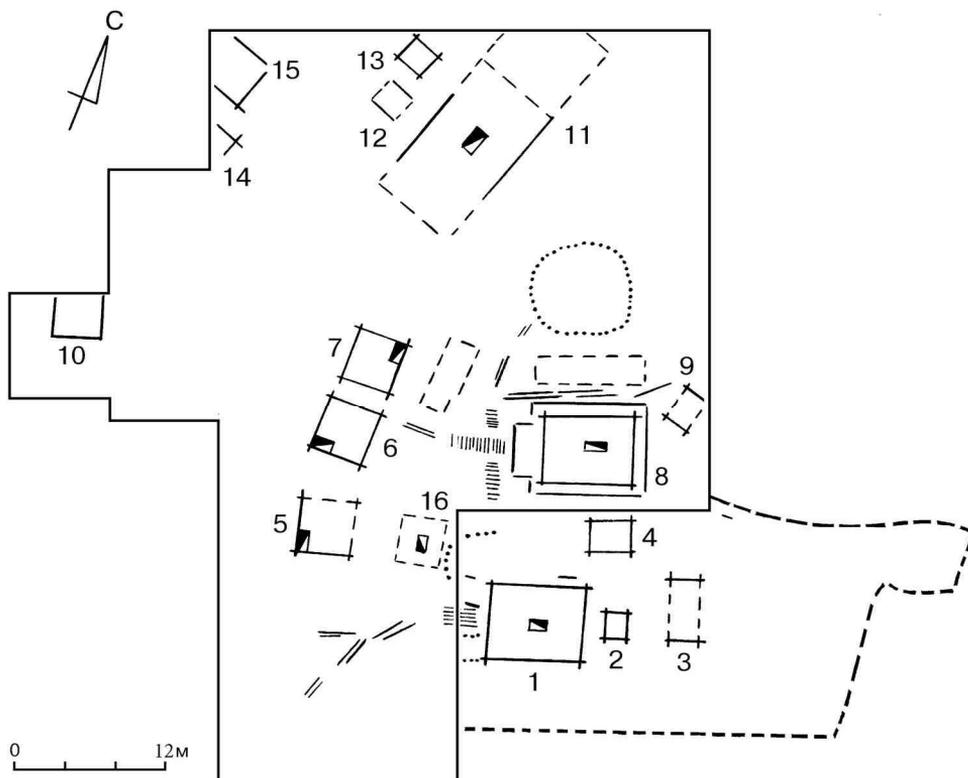

Рис. 8. Земляное городище. План V яруса

чей, копирующих форму боевых каролингских клинков (рис. 9). По всей видимости, с этим же этапом истории Ладоги следует связывать постройку 9 и дренажные каналы, открытые в основании раскопа А. Н. Кирпичникова [7, с. 75–76]. С 840-х гг. отчетливо прослеживается застройка в районе Варяжской улицы.

Осмелюсь предположить, что на рубеже 830–840-х гг. Ладога была захвачена группой норманнов. Вряд ли стоит сомневаться, что они заняли в ней доминирующее положение. Несмотря на частичное уничтожение или изгнание, носители культурных традиций лесной зоны Восточной Европы остались существенным компонентом среди обитателей поселка и его окружи. Кроме материалов домостроительства, об этом свидетельствуют некоторые украшения.

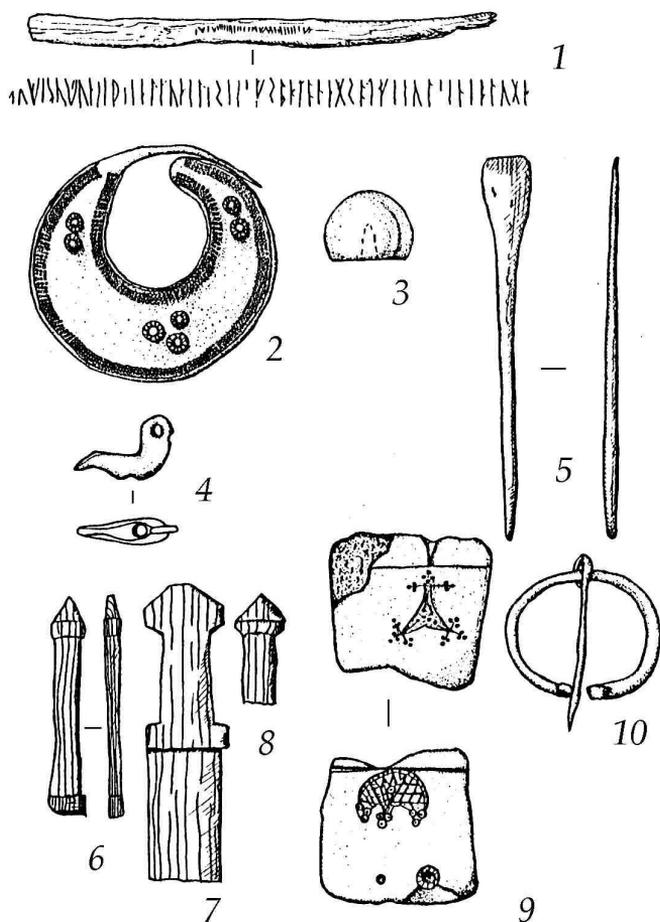

Рис. 9. Земляное городище. Находки из V яруса

В середине 860-х гг. (около 865) поселение очередной раз подвергается полному разгрому. Кроме мощного слоя пожара, драматичность этого события подчеркивают обгоревшие останки женщины и ребенка, обнаруженные в заполнении дренажной канавки в раскопе А. Н. Кирпичникова [7, с. 76].

Плотность застройки на площадке Земляного городища на уровне VI (около 865–890-е) (рис. 10) и VII (890–920-е) (рис. 11) заметно ниже, чем в предшествующие десятилетия IX в. Практически полное отсутствие строительных остатков в северной части раскопа В. И. Равдоникаса могло бы объясняться мощными нивелировочными работами, но отдельные строения и культурные отложения присутствуют и здесь. Вероятно, это время существенных перемен в структуре поселения. Судя по всему, происходит резкое расширение его площади. Заселяется территория к югу и северу от Земляного городища, расширяется зона застройки на левом берегу Ладозки. Только с этого момента можно говорить о сходстве его топографии с североевропейскими виками и т. н. «открытыми торгово-ремесленными поселениями» Восточной Европы.

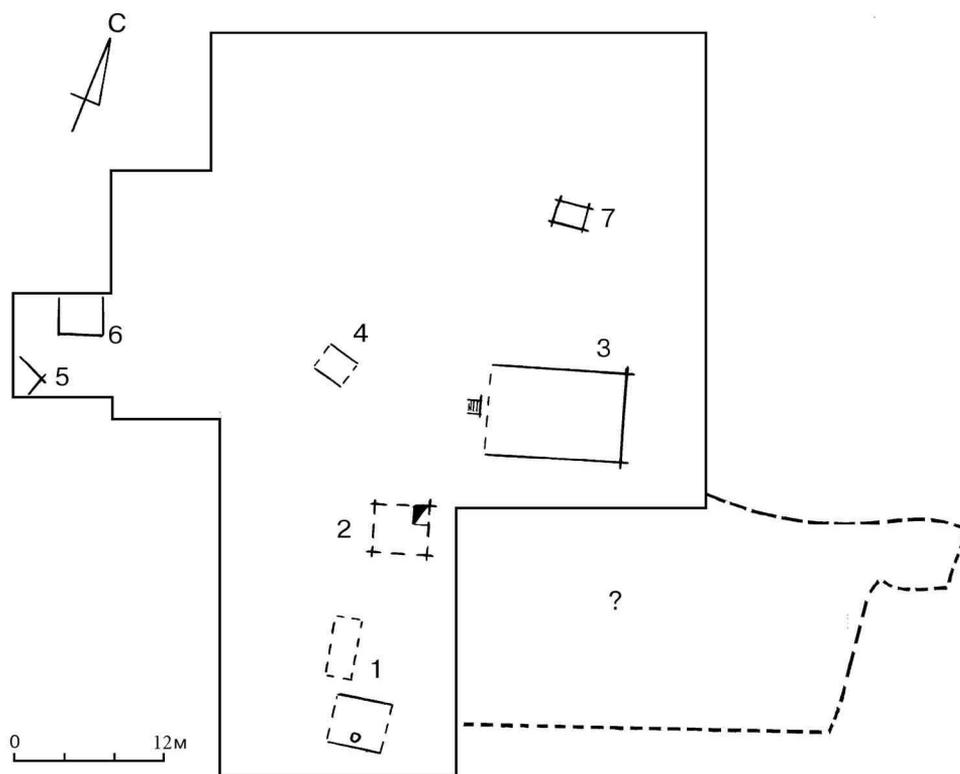

Рис. 10. Земляное городище. План VI яруса

Судить о реальной планиграфии и домостроительстве данного периода очень сложно. О свободе застройки говорят разбросанные кузнечные комплексы. Один находится в южной части раскопа В. И. Равдоникаса, другой — в раскопе А. Н. Кирпичникова. Следы мощной производственной деятельности зафиксированы Г. Ф. Корзухиной в пределах каменной крепости [8, с. 82–87]. В VI ярусе вообще нет жилых построек, поддающихся реконструкции. Можно лишь констатировать наличие здесь «большого» и «малого» домов. В VII ярусе залежали остатки двух строительных комплексов, представляющих особый интерес. Сложный жилищно-хозяйственный комплекс VII-2 в южной части раскопа В. И. Равдоникаса состоял из сруба с печью-каменкой в углу и примыкавшего к нему трехстенного прируба с печью производственного назначения в центре. Прируб с трех сторон окружало какое-то сооружение со стенами и кровлей легкой конструкции, а основной сруб был связан настилом с небольшим рубленным амбаром. Этот комплекс может рассматриваться уже в контексте становления городского домостроительства Северной Руси [9, с. 80–81]. В 1950 г. В. И. Равдоникасом была открыта, а Е. А. Рябининым исследована большая постройка (VII-3), первоначально атрибутированная как жилище купеческой артели [26, с. 39–47]. Размеры, развитая архитектура и некоторые находки явно выделяют данный комплекс из рядовой застройки. Учитывая историю дальнейшей судьбы

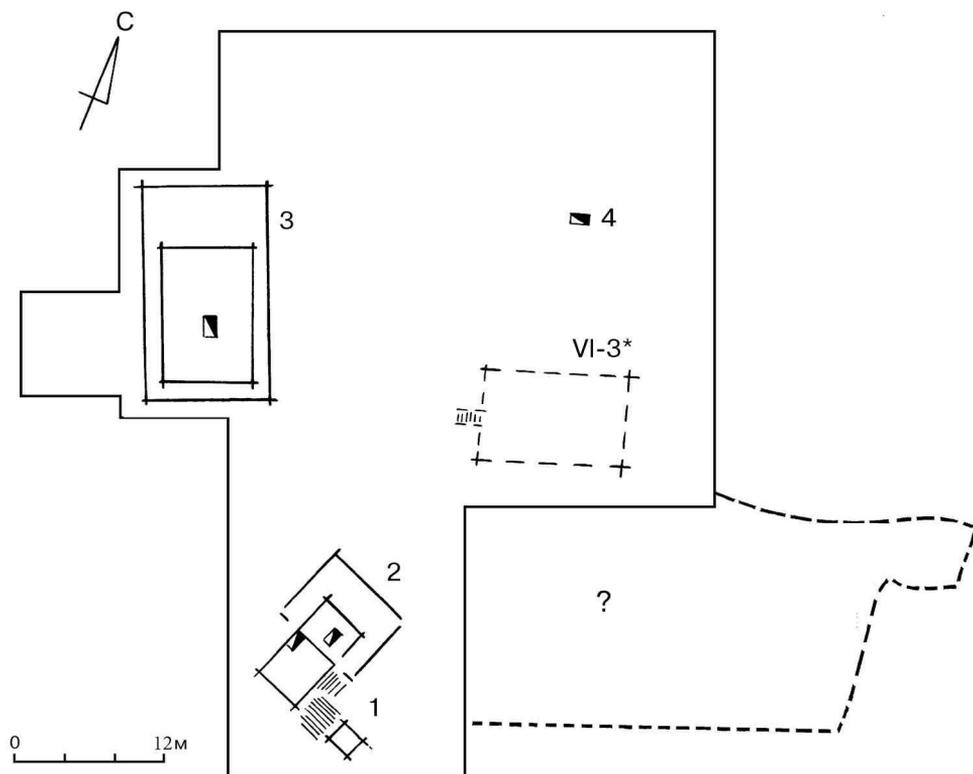

Рис. 11. Земляное городище. План VII яруса

строительства на данном участке можно с известной долей вероятности предполагать в ней дворец ладожских правителей.

Среди находок этого периода присутствуют как вещи североευропейского круга древностей эпохи викингов, так и предметы круга древностей лесной зоны Восточной Европы. Можно уверенно констатировать, что в это время в Ладоге проживают разные этнокультурные коллективы, среди которых отчетливо выделяются скандинавы.

Синяя стеклянная салтовская лунница, найденная в районе кузницы VI-1, возможно, маркирует верхнюю дату функционирования пути на Восток через земли Хазарского каганата. Неизвестны в более верхних слоях металлические украшения с пуансонным орнаментом, характерные для смоленских длинных курганов. Исчезновение этих категорий древностей предшествует решающему этапу формирования древнерусской культуры, отразившемуся в Ладоге в материалах VIII–XI ярусов (горизонт Д) Земляного городища и синхронных им напластований Варяжской улицы (920–990-е).

В 920-х гг. стремительно застраивается вся площадка Земляного городища (VIII ярус) (рис. 12). В раскопе В. И. Равдоникаса насчитывается более десятка срубных жилищ с печами-каменками в углу. Некоторые из них имеют привходные тамбуры-сени, а одна постройка входит в состав сложного жилищно-

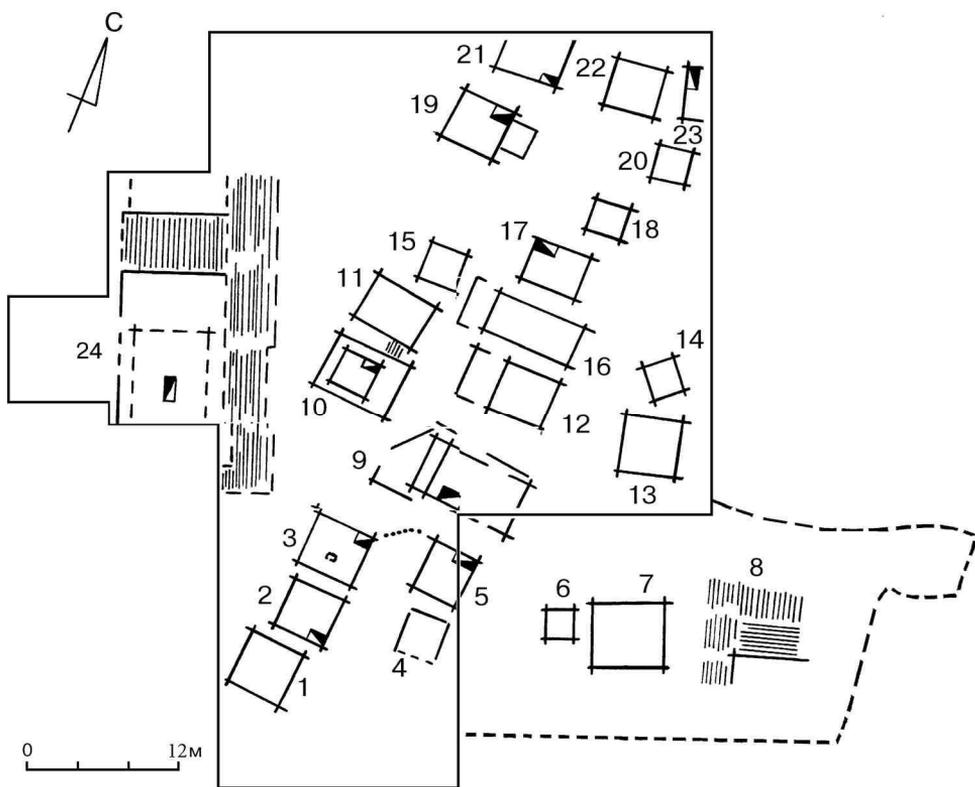

Рис. 12. Земляное городище. План VIII яруса

хозяйственного комплекса. Фиксируется первый достоверный сруб-пятистенок, древнейший на Северо-Западе Руси (постройка VIII-9).

Застройка вытянута по линии север – юг. Однако нет никаких оснований видеть в данном случае уличную планировку. Анализ расположения входов в жилища позволяет выделить на участке, исследованном В. И. Равдоникасом, три «гнезда» застройки. Они состояли из 3–5 жилых домов и нескольких полифункциональных неотапливаемых клеток. Очевидно, «гнезда» связаны с группами населения, обособленным в хозяйственном и социальном отношениях. Интересно отметить, что постройка VIII-3 совмещала жилые и культовые функции: помимо обычной печи-каменки в углу, в центре ее находился очажок для жертвоприношений, а ряды столбов внутри выделяют ее из серии обычных «малых» домов.

За уличный настил В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов приняли часть крупного жилого комплекса VIII-24, сменившего на рубеже 920–930-х гг. дом VII-3 [26, с. 36–43; 27, с. 97]. Бросается в глаза, что унаследовав от своего предшественника местоположение, этот комплекс не вписывается в планиграфическую структуру остальной застройки. Такая же ситуация сохраняется и после пожара и реконструкции комплекса (IX ярус). Очевидна связь такой ситуации с особым статусом хозяев и обитателей больших жилых комплексов VII-3 и VIII-24. Как отмечалось выше, есть основания считать их главными постройками двора правителя Ладоги (князя или его наместника).

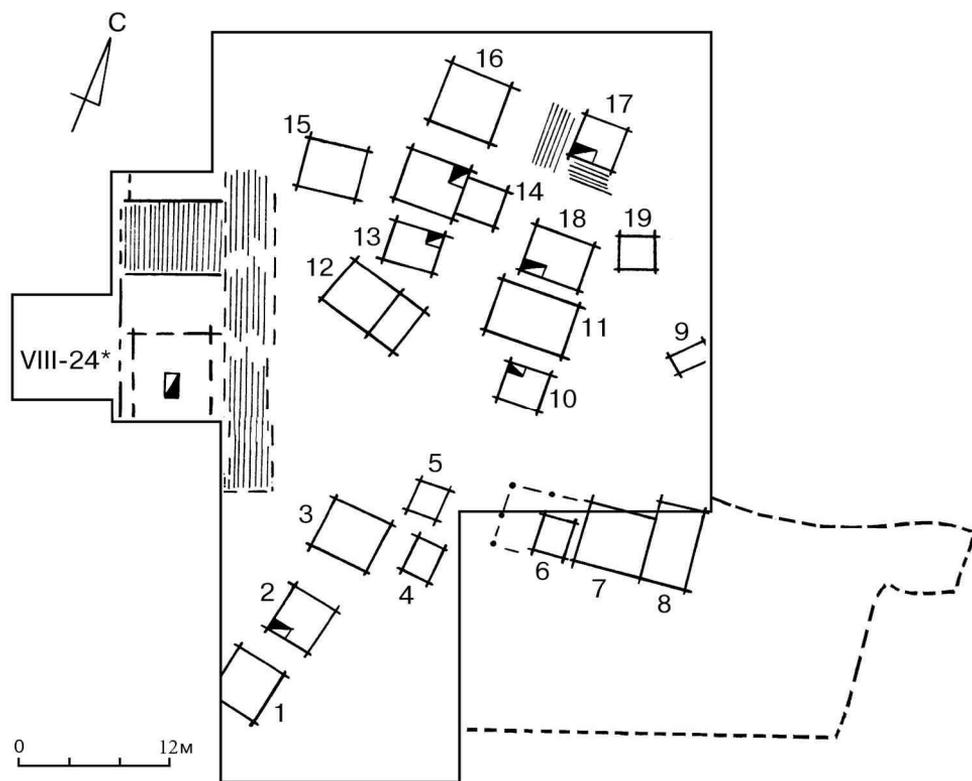

Рис. 13. Земляное городище. План IX яруса

Для 920-х гг. уплотнение застройки отмечено В. П. Петренко на Варяжской улице [21, с. 14–15]. После пожара, случившегося около 950 г. и охватившего участок как Земляного городища, так и Варяжской улицы, существенных изменений не произошло. Это важное свидетельство того, что к середине X в. Ладога стала устойчивым поселенческим образованием. При смене застройки IX яруса (рис. 13) сооружениями X яруса (рис. 14) комплекс VIII-24 был демонтирован, а восточнее появляется сложный комплекс X-5/X-6/X-7, состоящий из двух неотопляемых срубов большой избы с печью-каменкой в углу и системы настилов. Размеры построек и характер находок позволяют рассматривать данный комплекс как преемника сооружений открытых на участке раскопа Е. А. Ряби-нина. Древнерусский характер культуры поселения в этот период не вызывает сомнения, но интересно отметить представительную серию скандинавских находок (разнотипные фибулы, наконечники ножен мечей, железная шейная гривна с подвесками в виде «молоточков Тора», подвеска с рунической надписью и др.). Эти предметы подтверждают постоянное присутствие в Ладоге норманнов, сохранявших свои культурные и религиозные традиции, которые подпитывались регулярными контактами с Северной Европой и, вероятно, оседанием новых групп выходцев из-за моря. Эта тенденция прослеживается в течение всей второй половины X в. вплоть до начала XI в., когда на поселении фиксируется два пожара, соотнесенные с набегами норвежских ярлов Эйрика (997) и Свейна

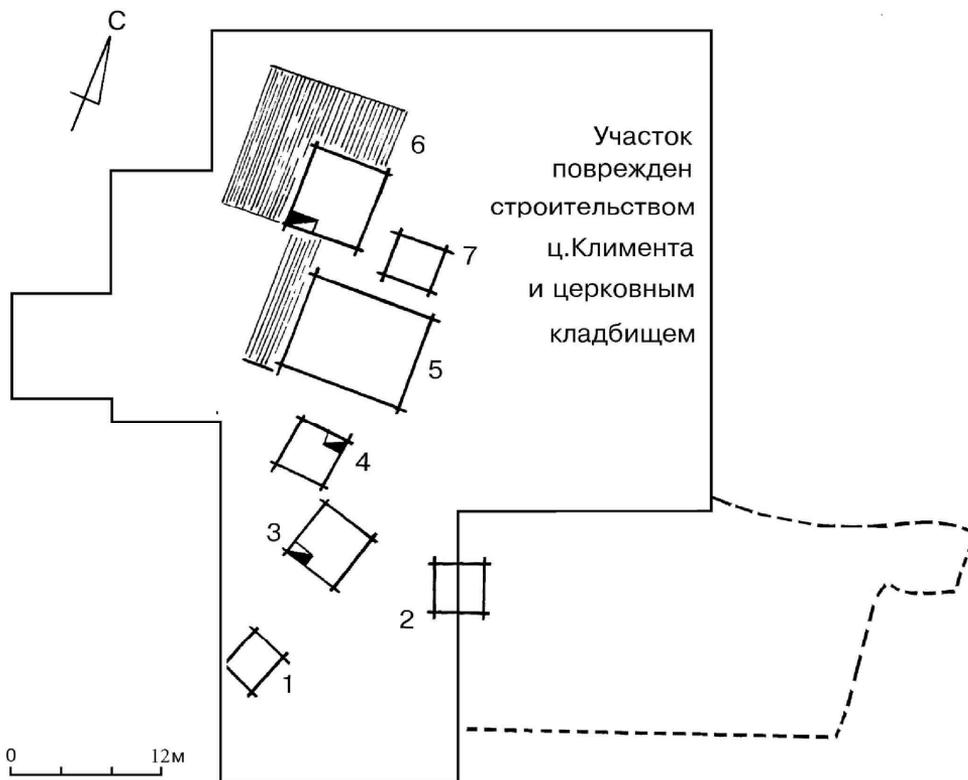

Рис. 14. Земляное городище. План X яруса

- срубные постройки
- контуры столобовых построек и сооружений, реконструируемые части срубов
- ямы
- настилы
- печи и очаги
- горн, плавильная печь
- ограды
- пни-"стулья"
- площадь раскопа В.И.Равдоникаса, оставшаяся недоследованной с границы E2 и E3

Рис. 15. Условные обозначения к планам застройки Земляного городища

(1016). Слои XI в. с дендродатированными органическими остатками в Ладоге не обнаружены¹.

Для правильной оценки Ладоги и ее значения в жизни населения Балтики и Восточной Европы важно рассмотрение ее материалов не суммарно, а в рамках отдельных временных промежутков, с надежными и обоснованными границами. В соответствии с ярусной стратиграфией можно выделить три больших культурно-хронологических периода истории Ладоги в середине VIII–X вв. Каждому из них соответствуют определенные категории погребальных памятников в окрестностях поселения и прослеживается связь смены периодов с изменениями в структуре системы поселений ладожской округи. Выделяемые на основании археологических материалов периоды хорошо вписываются в историческую картину, реконструируемую по данным письменных и других источников.

Первый период (I–V ярусы: 750-е – около 865 г.). Этот начальный этап в истории поселения всегда привлекал внимание исследователей. А. Н. Кирпичников утверждает: «С самого момента своего возникновения Ладога находилась на переднем крае общественных преобразований своего времени, что сопровождалось ускоренной урбанизацией самого поселения. Особый характер общества и экономики Ладоги определялся ее ключевым положением на крупнейшем евразийском пути из «варяг в греки» и «из варяг в арабы» [5, с. 5]. В другой работе он даже отмечает, что «город в низовьях Волхова возник как бы в сложившемся виде, минуя эмбриональную фазу развития...» [6, с. 38]. В увлечении идеей изначально большой роли Ладоги в жизни Балтики и Руси А. Н. Кирпичников считает, что поселение этого периода характеризует ряд признаков общеевропейского характера: «...коллегиальное управление поселением и областью, наличие торгового пути и капища, связь с водным путем и дальней и ближней торговлей, образование за пределами основного поселенческого ядра податной территории, нерегулярность и мозаичность застройки, зачатки ремесленного производства (в данном случае бронзолитейного, косторезного, стеклодельного, судостроительного, а также железоделательного), наличие кладов, зарытых на территории поселения и в его окрестностях, разный этнический состав поселенцев, хоронивших своих сородичей на топографически обособленных кладбищах, нестабильность части населения, связанного с сезонностью торговли, использование жителями изделий разного происхождения, попытки собственной интерпретации «модных», имеющих сбыт изделий по привозным образцам, наконец не аграрный, а торгово-ремесленный характер городской экономики» [5, с. 21–22].

Не было нужды столь обильно цитировать работы авторитетного исследователя, если бы данные выводы покоились не на соображениях общего порядка, а на конкретных материалах, и каждое отдельное положение обосновывалось серией доказательств. Однако этого нет. Либо археологические материалы противоречат отмеченным выше построениям, либо предположения типа «коллегиального управления поселением и областью», «податной территории» археологически недоказуемы, а письменные источники на этот счет отсутствуют. Критика «го-

¹ При разработке ярусной стратиграфии были использованы многочисленные материалы Старолодожской экспедиции В. И. Равдоникаса (дневники, чертежи, отчеты), хранящиеся преимущественно в рукописном архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург).

родского» характера Ладоги VIII–IX вв. может стать предметом специальной работы, но уже краткая характеристика материалов нижних ярусов Земляного городища показывает, что Ладога в первые десятилетия существования не была и не могла быть крупным специализированным торгово-ремесленным центром [12, с. 166–168].

Особым предметом дискуссии о начальном этапе истории Ладоги является этнокультурный состав жителей поселения. Ныне господствуют две точки зрения: либо основную его массу составляли славяне, либо оно было полиэтнично (помимо славян, скандинавы, балты). Д. А. Мачинский предположил, что именно в Нижнем Поволховье к 830-м гг. произошло становление особого этносоциума «русь» [17, с. 72–73]. Эти взгляды разделяет Г. С. Лебедев [20, с. 330]. Остроту дискуссии вокруг «этноса» первых обитателей Ладоги придавал так называемый «норманнский (варяжский) вопрос, долгое время служивший камнем преткновения в изучении ранних этапов истории Руси. В настоящий момент, когда сняты идеологические шоры, а подходы к определению этноса в рамках варварского общества стали гибче, можно спокойно анализировать имеющиеся материалы» [34].

Особо отмечу, что говорить о реальной «полиэтничности» поселка с несколькими десятками или одной-двумя сотнями постоянных жителей вряд ли возможно, а именно такой видится Ладога в 750–800-х гг. да и в 800–860-х гг. Материалы разной культурной атрибуции тяготеют к определенным ярусам. Их разделяют либо мощные пожары, либо следы явной смены населения. Поселение на Земляном городище возникает как колония скандинавов, достигших восточных пределов Балтики до начала эпохи викингов и окончательного сложения путей из Северной Европы на Арабский Восток (I ярус). В середине или второй половине 760-х гг. жизнь колонии обрывается и поселение занимает группа выходцев из более южных районов Восточной Европы, которых вполне уверенно можно отождествить с продвинувшимися на север славянами (II ярус). Именно это движение «замкнуло» сеть восточноевропейских коммуникаций и стало одной из предпосылок становления путей с Балтики на Восток. Материалы III яруса, наряду с данными нумизматики, показывают, что интенсивное движение товаров и ценностей по ним началось на рубеже VIII–IX вв. (780–800-е). Только с этого момента «заработало» удачное географическое положение Ладоги как уникального пункта на стыке морского и континентального пространства. Несомненен определенный демографический подъем и устойчивость развития поселения в 810–830-х гг. (IV ярус). Очевидно, это время следует считать нижним хронологическим рубежом сложения особой культуры, вобравшей в себя как северо-, так и восточноевропейские элементы. Часто ее именуют «культурой сопок», но более сложное соотношение поселений IX в. с «культурой ладожского облика» и монументальных курганов, именуемых сопками, заставляют рассматривать такую культуру шире, как прото- или преддревнерусскую [13].

В связи с вышесказанным нельзя оставить в стороне саму проблему сопок — высоких курганов с каменными конструкциями. Ряд исследователей видят истоки этой традиции в больших курганах Скандинавии (Д. А. Мачинский, В. Я. Конецкий, Г. С. Лебедев и др.). Д. А. Мачинский считает, что сопки являются усыпальницами верхушки этносоциума «русь» и зримым подтверждением ее скандинавских истоков [17, с. 72–73]. Однако прямая связь сопок с большими курганами Северной Европы была аргументированно отвергнута В. Я. Петрухи-

ным [23]. Автор провел анализ исследованных в Поволховье насыпей и пришел к заключению, что сопки сооружались в Нижнем Поволховье во второй половине IX – первой половине X в. (около 865 – около 950), может быть и несколько позднее [15].

Погребальными памятниками первого периода истории ладожского поселения следует считать плоский курган в основании насыпи в урочище Победище (№ 140 по Н. Е. Бранденбургу, № 14-II по В. П. Петренко) и грунтовый могильник, открытый С. Н. Орловым к югу от Земляного городища. Первый действительно можно связать с норманнской традицией (учитывая культурный и хронологический разрыв с последующими этапами возведения сопки), материалы второго — находят параллели в псковско-новгородских длинных курганах.

Около 840 г. поселение гибнет в пожаре и на нем отчетливо фиксируется новая группа населения, определенно скандинавского происхождения. Замечу, что эти факты совпадают по времени с пиком военной активности викингов в Западной Европе. Именно этот эпизод в жизни Ладоги (V ярус, около 840 – около 865) может найти первые соответствия в письменных источниках. Русские летописи сообщают о «варягах из за моря», взимавших дань с ряда славянских и финно-угорских племен до 862 г. (летописная хронология весьма условна). По всей вероятности, эти варяги были свеями, эпическая память которых сохраняла знание о владениях на востоке Балтики во времена конунга Эйрика (умер около 871 г.) вплоть до начала XI в. (эпизод тинга в Уппсале в Саге об Олаве Святом).

Почти все исследователи связывают пожар горизонта E2 (=V ярусу) с бурными событиями, помещенными в летописи под 862 г. (изгнание варягов, междоусобицы среди племен, призвание Рюрика). Наиболее вероятно, что Ладогу, служившую опорным пунктом для походов за данью, сожгли ополчения восставших племен.

В рамках рассматриваемого периода произошло формирование сети поселений вдоль волховского участка системы речных путей с Балтики на Восток. Особая их концентрация наблюдается в зоне Гостинопольских и Пчевских порогов, находящихся выше по течению Волхова. Явно неординарную роль играло городище и селище Любша, расположенное на правом берегу Волхова ниже Ладоги. Никаких данных о степени их подчиненности Ладоге нет. Только дальнейшие полноценные исследования смогут пролить свет на их реальное соотношение.

Второй период (VI–VII ярусы; около 865–920-е). Пожалуй, именно в это время Ладога наибольшим образом напоминает как североевропейские типа Бирки и Хайтхабу, так и «открытые торгово-ремесленные поселения» Восточной Европы. Расширяется площадь поселения, вокруг него формируется некрополь, в котором представлены разнотипные погребения. Наиболее ярким памятником является норманнский могильник в урочище Плакун, единственный в своем роде на территории Руси. Рядом раскопана большая насыпь, отличная от сопки и содержащая помимо кремаций камерное погребение воина с конями на вершине. Аналогии насыпям Плакуна уводят на юг Скандинавии. Норманские древности отчетливо просматриваются на общем фоне культуры поселения. Все это дает основания видеть в летописном предании о призвании варяжского князя Рюрика, часто отождествляемого с Рериком Ютландским западных хроник, историческую основу. Открытый раскопками Е. А. Рябиной и В. И. Равдоника-

са дворцовый комплекс свидетельствует о наличии в Ладоге резиденции первых Рюриковичей или их наместников.

Особым предметом дискуссии является так называемая крепость Олега Вещего — остатки каменных укреплений, открытых А. Н. Кирпичниковым на территории каменной крепости и датированные автором раскопок концом IX — началом X в. Вопрос о времени появления укреплений в Ладоге вообще и каменных в частности остается не решенным окончательно. Отмечу лишь, что с моей точки зрения археологические доказательства такой датировки, приводимые А. Н. Кирпичниковым, не бесспорны [4, с. 23–42; ср.: 33, с. 168–176].

Версия о Ладоге как столице особой Ладожской земли, предшествующей Новгородской, не выдерживает критики. Значение Ладоги этого времени явно иное. Она становится портом-торжищем «при море» [19, с. 164–166]. Вряд ли это, продуваемое военными ветрами место, доступное для набегов крупных отрядов викингов, могло эффективно контролировать движение по Волхову. Представляется, что эта функция осуществлялась крупными поселениями Новые Дубовики и Михайловский погост, блокировавшими Гостинопольские пороги. По крайней мере, Новые Дубовики в конце IX — начале X в. переживали расцвет.

Исчезновение некоторых категорий древностей, появление ближневосточной лютстровой керамики свидетельствуют о переориентации части внешних связей, что возможно отражает изменение всей ситуации в Восточной Европе после захвата Олегом Киева, его похода на Византию, конфронтации Руси с Хазарским каганатом и началом печенежских набегов.

В этот период происходит сложение традиции возведения величественных курганов-сопок, являющихся не просто местами отдельных погребений (высокий социальный статус которых весьма сомнителен), а своеобразными культовыми сооружениями. При основаниях сопок обнаружены некрополи с кремациями, размещавшимися на поверхности земли. В более позднее время при некоторых сопках функционируют могильники с ингумациями [22].

Все это говорит о формировании в Нижнем Поволховье в эпоху Рюрика и Олега устойчивой поселенческой структуры, создававшей основу для трансформации Ладоги в древнерусский город.

Третий период (VIII–XI ярусы; 920–990-е и позднее). Примерно в 920-х гг. в Ладоге фиксируется резкое уплотнение застройки, она обретает регулярный, упорядоченный (но не уличный!) характер. На Земляном городище отчетливо выделяются «гнезда» домов, жители которых были связаны с определенными видами ремесла. В домостроительстве наблюдается разнообразие традиций. Различны размеры домов, отопительные устройства разной конструкции располагаются и в центре, и по углам жилищ. Однако намечается тенденция к объединению разнотипных построек в единые жилищно-хозяйственные комплексы, что является характерным индикатором городского характера застройки. Наконец важной новацией стало появление и стремительное распространение керамики, изготовленной на гончарном круге. Безусловно, что Ладога, начиная с этого момента, может с полным правом рассматриваться как город.

Материальную культуру поселения данного периода следует рассматривать как ранний этап древнерусской, хотя представительная серия скандинавских древностей эпохи викингов придает ей определенный колорит. Однако вычленив участки компактного проживания норманнов на вскрытой раскопками площади

пока не удастся. Возможно, что со скандинавами связана культовая постройка второй половины X в., открытая В. П. Петренко на Варяжской улице. Находки показывают, что в Ладоге скандинавы сохраняли не только привычный жизненный уклад и художественные вкусы, но и комплекс языческих верований.

Любопытен пожар, случившийся около 950 г. Заманчиво связать его с походом на север Руси княгини Ольги (в летописи под 947 г.). Следы пожаров этого времени фиксируются на крупных поселениях — локальных центрах западных районов Новгородской земли. Одновременно появляется древнейшая городская застройка Новгорода в его исторических границах.

Разрушение культовой постройки на Варяжской улице в конце X в. вызывает ассоциации актами крещения Новгорода и Киева князем Владимиром в 989/990 гг. Однако знакомство с христианством и проживание в Ладоге членов этой конфессии фиксируется, по данным археологии, по крайней мере с середины X в. [16].

Пожары конца X – начала XI вв. могут быть связаны с набегами Эйрика и Свейна, известными по скандинавским сагам, но оставшимися вне поля зрения русского летописания.

Обстоятельства брака в 1019 г. Ярослава Мудрого и дочери Олава Шведского Ингигерд (передача Ладоги-Альдейгьюборга в управление ярлу Рагнвальду) открывают новую страницу в истории поселения, но он практически не документирован археологическими материалами.

Подведем некоторые итоги. До определенного времени Ладога не могла поступательно развиваться как город. Первые сто лет ее истории демонстрируют по крайней мере три кризисных момента, приводивших к полной или частичной смене населения поселка (760-е, около 840, около 865). В таких условиях становление городского организма весьма затруднено. Удачное географическое положение на стыке этнокультурных и природных зон было счастьем и бедой Ладоги. Встречное движение групп славян и скандинавов создавало предпосылки для установления обширных торговых контактов, но и порождало ожесточенные конфликты за обладание ключевой точкой. Итогом векового противоборства стало раннегосударственное образование (княжение Рюрика), но его центр смещается в глубь территории словен, к истоку Волхова, где возникает Новгород. Именно политическая стабильность создала условия для устойчивого роста Ладоги, ставшей портом-торжищем — северными воротами Руси. Политические успехи Рюрика и Олега отразились на процессе градообразования. К 920 г. Ладога, возможно, испытывавшая приток нового населения, превращается в древнерусский город, находившийся, однако, как никакой другой город Руси, в тесной связи со Скандинавией и Балтикой¹.

¹ Публикуемый текст является более широким и дополненным вариантом французского издания: Kuzmin S. Ladoga, le premier centre proto-urbain russe // Les centres protourbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.

Литература

1. *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1895.
2. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России. Вып. 18. СПб., 1896.
3. *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Л., 1976.
4. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
5. *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
6. *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья. СПб., 1997.
7. *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 гг. // Древности Поволховья. СПб., 1997.
8. *Корзухина Г. Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Старой Ладоге // Советская археология. 1961. № 3.
9. *Кузьмин С. Л.* Некоторые жилищно-хозяйственные комплексы X в. Старой Ладоги: по материалам раскопок В. И. Равдоникаса // Тихвинский сборник. Вып. 1: Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988.
10. *Кузьмин С. Л., Петров Н. И.* «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII–XI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1990.
11. *Кузьмин С. Л.* Первые десятилетия истории Ладожского поселения // Петербургский археологический вестник. «Европейская Сарматия». СПб.; Кишинев, 1997.
12. *Кузьмин С. Л.* Начальный этап истории Ладоги // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. док. М.; Петрозаводск, 1997.
13. *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р.* Новые материалы к проблеме славянского поселения на Северо-Западе Руси // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997.
14. *Кузьмин С. Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). Т. 1. СПб.; Псков, 1998.
15. *Кузьмин С. Л.* Сопки Нижнего Поволховья: взгляд на проблему на исходе XX века // Раннесредневековые древности Северной Руси и соседей. СПб., 1999.
16. *Кузьмин С. Л.* О возможных древнейших церкви и кладбище в Ладоге X–XI вв. (В печати.)
17. *Мачинский Д. А.* Волховская Русь (VIII–IX вв.) // Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. Тез. док. СПб., 1997.
18. *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.
19. *Носов Е. Н.* Раннегородские центры Поволховья: проблемы возникновения и соотношения // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. М.; Петрозаводск, 1997.
20. *Основания регионалистики.* СПб., 1999.

21. *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улицы (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
22. *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья. СПб., 1994.
23. *Петрухин В. Я.* Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1999.
24. *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологического исследования 1938–1947 гг.). Ч. 1 // Советская археология. 1949. Вып. XI.
25. *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. Ч. 2 // Советская археология. 1950. Вып. XII.
26. *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–75 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
27. *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1.
28. *Рябинин Е. А.* У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994.
29. *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Первые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1995.
30. *Рябинин Е. А.* Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе: по материалам исследований Ладоги VIII–IX вв. // Дивинец Староладожский. СПб., 1997.
31. *Средневековая Ладога.* Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
32. *Старая Ладога.* Л., 1948.
33. *Стеценко Н. К.* История Ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский. СПб., 1997.
34. *Хлезов А. А.* Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Статья опубликована:

"Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. статей" / отв. ред. А. В. Виноградов. СПб. 2008., С. 69 – 94.

И представлена на сайте **Северо-Западной археологической экспедиции** **Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. профессора Г.С. Лебедева НИИКСИ Факультета социологии СПбГУ**

<http://nwae.spb.ru>